

Джон УЭЛЧ (село Упорово Тюменская обл.) **Приключения Никитки**

Россия — огромная и красивая страна. История, которую я спешу рассказать, произошла в одном старом месте Западной Сибири. В городе Тюмени люди жили своими заботами и проблемами, любили и были любимы, находили сочувствие и внимание. Ничем не примечательно было утро двадцатого сентября, когда солнце светило и согревало еще зеленые листья на деревьях, а ветер поднимал и кружил опавшую золотистую листву. В назначенное время на перрон вокзала прибыл скорый поезд из провинциального города Ялуторовска. Из поезда вышли двое: Никита — десяти лет, худенький, белобрысый мальчуган с зелеными глазами и Ирина Павловна — его приемная мать — высокая, смуглая от загара женщина лет тридцати.

— Вот мы и приехали в Тюмень, — сказала женщина, посмотрев на вокзальные часы, которые показывали без пяти десять.

Мальчик посмотрел на мать. Он не показывал смущения и страха перед новой жизнью. Постояв несколько минут, семья пошла на стоянку такси. Мальчик тем временем смотрел вокруг удивленными глазами.

— Вот и нужная машина, — сказала мать и показала на белую «Волгу», на которой был знак такси. Никита недоверчиво посмотрел в сторону, где стояла машина. Но надо было торопиться, и они пошли к автомобилю. За рулем сидел усатый человек примерно лет сорока.

— Извините, вы свободны? — спросила Ирина Павловна и мило улыбнулась водителю. Никита же не очень хотел ехать на такси, он предпочел бы проехаться на автобусе и осмотреть весь город. Но перечить матери не стал.

— Да, я свободен, можете садиться в машину. А куда вас везти? — мужчина поднял голову и посмотрел в лицо Ирины Павловны.

— На улицу Республики. Это в центре, — ответила женщина, запихивая сына и вещи в машину. В машине были очень мягкие и уютные сиденья. С большим удивлением мальчик наблюдал за передвижением транспорта и за зданиями за окном.

— Не переживай, сынок. Скоро приобретем квартиру и переедем в нее. А пока проживем у твоего двоюродного брата — Алексея. Он старше тебя на два года, будь любезен, не приставай к нему, — предупредила мама.

Никита не ожидал, что придется жить у какого-то Алексея. Оказалось, что квартира родственников расположена на третьем этаже, и добираться наверх придется пешком. Хорошо, что из вещей только чемодан. Никита внимательно осмотрел подъезд и лестничные площадки.

«Если бы можно было выбирать место своего жилья, я бы ни за что не остался в этом доме», — думал мальчик, глядя на мусор, пепел и окурки сигарет. Позвонили в квартиру.

Дверь открыла старушка лет семидесяти, седая и очень маленькая.

— А... Приехали, наконец, — сказала старушка и поцеловала свою племянницу. И тогда только обратила внимание на мальчика, который стоял и внимательно смотрел на бабушку.

— Да, только удивительно дорогое такси...

Мальчик посмотрел на мать и отвернулся. В самой квартире было пять больших комнат, в гостиной стоял громадный телевизор. Еще в квартире были компьютерный стол с компьютером на нем, две койки и три дивана. Кроме старой бабушки в квартире жил ее внук Алексей, или попросту Леша. А бабушку звали — Лена. И бабушка была удивлена решением Ирины Павловны приехать к ним на две недели. А вот Никита был счастлив, хотя по его виду и нельзя было этого сказать.

Алексея еще не было дома, бабушка Лена завела Никитку в комнату, где он будет жить, пока мать не купит квартиру. Женщины удалились на кухню, чтобы поговорить. О чем именно, было тайной для мальчика. Пока на кухне велись откровенные беседы, Никитка разглядывал комнату двоюродного брата. Ему было тут жутко интересно. Какие такие есть у двоюродного брата личные вещи? Они хранились на верху шкафа, в коробке. Никита сильно дернул коробку и рассыпал все по полу.

«Ерунда, посмотрю и соберу все на место», — подумалось мальчику. Только когда он это соберет? Времени до прихода Алексея оставалось маловато. Ладно, чего там, всегда можно придумать какую-нибудь историю. Сюжетов у него для историй было много, но он понимал в глубине души, что наказания не избежать, да и совесть грызла его. Мать пила чай, а сынок в это время рассматривал странные вещи двоюродного брата. Он так увлекся, что совершенно не ожидал его скорого прихода.

От школы до дома Алексею было недалеко, к тому же он всегда сбегал с уроков биологии. Учительница была придирчивая и не любила тех, кто не знал ее предмета. А Алексей ненавидел биологию и эту учительницу. Но прогулы этих уроков он всячески скрывал от бабушки, которая не хотела верить в двойки внука. Погуляв немного по магазинам, Алексей пришел домой. Зайдя на кухню, он обнял бабушку и тетю. На ходу взял со стола пирожок, поблагодарил и пошел к себе.

Он даже представить себе не мог, что творилось у него в комнате: Никита сидел на полу и рассматривал письма и вещи, все это было раскидано по полу.

— Ты что делаешь? И кто разрешил брать мои вещи? — с ненавистью спросил Алексей. Ему самому-то был сразу известен ответ на поставленный вопрос. Он понял, что некоторое время в его комнате будет жить вот этот любознательный мальчик, приставать со своими расспросами, которые быстро надоедят ему настолько, что он с радостью даст кулаком этому мальчику в глаз. Что ж, Никитка будет после этого делать все, что брат скажет.

— Я не хотел... — начал оправдываться Никита, поднимаясь с полу. Он догадывался, что двоюродный брат хочет сделать с ним в данную минуту.

— Ты не просто взял вещи, ты их смотрел, а они вообще не мои. И тот человек не будет разбираться, кто брал их, — грустно отозвался Леша. Он присел и собрал вещи. Но две из них завалились под шкаф, никто из мальчиков этого не знал.

Злость через несколько минут прошла, ослабла и атмосфера неприязни.

— Ты будешь учиться в нашей школе? — спросил Алексей, вглядываясь во все еще растерянное лицо двоюродного брата.

— Да, жалко, что не будет старых друзей, — с грустной улыбкой ответил Никита.

Еще бы проучиться в старой школе хотя бы один год! Там у него были друзья... Например, Сашка, его сосед по парте. Целые дни они проводили вместе.

Алексей призадумался. Надо будет скоро отдавать набор, который он держал в руках. Он положил вещи обратно на шкаф, потрепал за волосы Никитку, а тот отвернулся и убежал на кухню, где уже остывал ужин. После ужина Никитка вышел вместе с

Алексеем на балкон и рассматривал дома, людей и звезды. Тоска перешла в надежду, что в самое ближайшее время все изменится к лучшему. Спать они легли очень поздно.

Настало утро вторника. Время собираться и идти в школу, а также найти друзей. Алексей поднялся рано — еще в шесть часов утра. Он решил быстро повторить материал, который задавали. Леша не был ни двоечником, ни, тем более, круглым отличником. Так, переходил из класс в класс. И добрался до шестого. Никита же проснулся от того, что Алексей громко закричал, провозглашая на весь дом, что сделал историю.

— Что случилось? — спросил он, протирая сонные глаза.

— О, ты проснулся! Как спалось после вчерашнего переезда?

В комнату зашла мать Никиты. Сказала, чтобы мальчики поторапливались к столу, и вышла из комнаты.

— Скажи, а четвертый класс в твоей школе был страшный? — с неким ощущением боязни спросил Никита у Алексея. Тот уже надел школьный костюм: черные штаны и белую рубашу со значком школы.

— Нет, — быстро ответил Алексей. Со стороны выглядело, что Никита забыл все три года, проведенных в стенах родной школы.

Через минуту они пошли на кухню, где их ждали пельмени. Самые вкусные в Сибири.

— Сегодня твой первый учебный день в новой школе. Веди себя нормально, не старайся создавать проблем мне и себе. Я сегодня приду поздно. А в школу отведет тебя Алексей. Ты же не против, Леша? — спросила Ирина Павловна.

— Конечно не против. А лучше было бы, если бы Никита подождал меня после школы, — улыбнулся Леша и посмотрел на удивленное лицо Никиты, который явно мучился каким-то вопросом и никак не решался его задать. Никита кивнул матери и улыбнулся уголками губ Алексею. Если бы не время, которое спешило куда-то вдаль, не останавливаясь, снеся то запретное расставание, которое было неизбежно.

Они разошлись: дети — в школу, Ирина Павловна отправилась на поиски работы.

Алексей и Никита шли в школу. Идти или поехать на автобусе — выбирал Алексей. Он решил — пешком. Они шли молча, и каждый представлял себе, что его ждет сегодня. Наконец, показалась крыша здания, которое при приближении оказалось еще огромнее, чем можно было представить. Школа состояла из пяти этажей и трех пролетов между зданиями. Директором школы был Олег Юрьевич, он преподавал историю у Алексея. Любимым занятием директора была встреча детей у порога школы. В начале осени ученикам разрешали проходить без второй обуви. Но не факт, что так будет всегда. Например, в октябре. Перед тем, как зайти в двери школы, Никита внимательно посмотрел в глаза Алексею. И увидев там спокойствие, облегченно сказал:

— Пойдем.

Алексей просто кивнул в ответ. Внутри школа казалась еще больше и уютней. Длинные колонны удерживали тяжелый потолок, на котором висела огромная люстра. Казалось, что тысячи свечей зажглись в одночасье. Олег Юрьевич, увидев новенького мальчика, который пришел вместе с Алексеем, подошел к ним.

— Добро пожаловать в школу. Я — Олег Юрьевич, или для большинства детей, которые хорошо учатся, просто Олег, — мягким голосом сказал мужчина, при этом посмотрел в лицо Алексею.

За этим последовало продолжение.

— Итак, Алексей, представь мне своего друга. Или это не друг? — спросил директор.

— Это — Никита. И он... — Алексей внимательно посмотрел на реакцию директора. Потом продолжил. — Он мне сродный брат. И я его привел в школу.

Он посмотрел на отвернувшегося Никиту: «Почему я не могу сказать, что ты мне родной брат?»

Что-то остановило. Раскрыв один секрет, пришлось бы раскрывать и другие — уже не свои. Ведь кто знает, почему Ирина Павловна взяла их обоих из детского приюта, когда Никите было всего лишь три года, а Алексею — пять. Потом она забрала Никиту, а старшего оставила у своей тети. Никто никогда не рассказывал детям про их настоящих родителей. Через трудности и преграды они прошли бы вместе.

Пока Никита знакомился с директором, который без остановки рассказывал про школу, Алексей, молча отвернувшись к стене, рассматривал ту единственную бумажку, которая оставалась от родной матери. Он ее нашел случайно и никому о своей находке не рассказывал. Директор ушел в свой кабинет, а довольный Никита подошел к Алексею.

— Так, ты идешь? Или мне попросить дежурных отвести меня в класс? — спросил мальчик, глядя на Алексея. Ему было интересно, о чем это тот думает.

* * *

Алексей вспоминал про встречу в парке с хозяином карточек, которые Никитка смотрел тогда без спроса. Вечером предстояло их отдавать.

— Слушай, Никита, — со страхом думая о предстоящем вечере, сказал Алексей, — помнишь те карточки, которые ты смотрел, когда приехал в Тюмень? Сможешь их вынести из дома и принести мне?

— А... Конечно, принесу. А почему ты вспомнил про эти карточки? — мальчику стало интересно.

— Тебя это не должно волновать. Принесешь и можешь валить потом на все четыре стороны, — грубо отрубил Леша.

Он знал, что на встречу придут трое из одиннадцатого класса. Полных отморозков. Допустить, чтобы Никита был рядом, не входило в планы Лешки. Отвечать надо одному.

Повернувшись к Никите, Алексей посмотрел внимательно, и, чтобы тот правильно понял, сказал:

— Лучше принесешь мне на детскую площадку что прошу, и можешь идти домой. Пойми, для меня это очень важно.

Лешка все думал о встрече. Не зря же он в последний месяц решил заняться спортом. Но у него были сомнения насчет «Жирного». «Жирный» — была кличка, так за глаза звали десятиклассники главного в их шайке. Лешка как раз у «Жирного» и брал те самые карточки. «Жирный» не любил трусов, всячески над ними издевался. И еще у него была фишка — его старший брат жил в Париже. И это давало ему повод считать себя крутым.

Алексей в свое время знал «Жирного» как Олега. Они вместе катались на картинге. Потом поссорились из-за пустяка.

Братья уже подошли к подъезду.

— Так, возьми коробку, принеси мне, и шуруй обратно домой. Если пойдешь за мной, то обоим нам придется туго.

Никитка в ответ только кивнул и пошел домой, через минуту он вернулся и отдал Лешке коробку. После того, как Никита зашел в подъезд, Леша подождал еще минут двадцать и пошел на место встречи в старый парк возле заброшенного кладбища. Время было около десяти часов вечера, Алексей уже беспокоился, но тут его позвал грубый голос.

— Эй, малой, ступай сюда.

«Жирный» курил сигарету, от которой жутко воняло. Неподалеку сидела его подружка Катька, лет восемнадцати. Похоже, ей не особо улыбалось находиться в этом месте. Она подняла глаза на подошедшего Алексея и тихо сказала:

— Давай завязывай, и пошли отсюда.

Но Олег торопиться никуда не собирался. Уставился на парня.

— Что, принес? Если да, давай сюда и вали, — прозвучал грубый голос.

Олег поманил Лешку. Тот достал из кармана упаковку, отдал «Жирному». «Жирный» улыбнулся и оскалил зубы.

— Сейчас проверим...

Он открыл упаковку и начал считать карточки. Тут сзади послышались шаги и голоса

Толика и Вадика.

— Посмотри, Олег, кого поймали. Он следил за вами.

Парочка десятиклассников тащила под руки Никиту.

— А, у нас гости... И кто же это такой? — посмотрев на парня, спросил Олег. Ему не нравилось, когда за ним шпионили. А кому это понравится?

— Олег, прошу, оставь Никиту в покое. Мы сейчас свалим...

— А мы вас не отпустим. Пока не посчитаю свою коллекцию. Всегда приятно, когда коллекция в полном порядке. А если она не вся... Ну ребята, что тогда будет? — посмотрев на своих друзей, спросил Олег. Те показали, что будет. В лучшем случае изобьют, в худшем — изваляют в грязной луже.

Через минуту Олег закончил считать коллекцию. Не хватало двух карточек.

— Ах ты!!! Почему не все карточки?! Я тебя сейчас размажу!

— Олег, пожалуйста, не надо. — Лешка уже почти плакал. — Может, остались дома. Прошу — опусти Никитку.

— Я тебе покажу «не надо»! Короче, времени тебе на возврат три недели! А я тебя за это время так обработаю, что ты по струнке будешь ходить. А Катя поможет, правда?

Олег повернулся к Кате, которая уже подошла к ним. Никита пытался освободиться от Толика. Толик кивнул Вадику, и тот ударил кулаком в живот Никите. Никита опустил голову и захрипел.

— С огромным удовольствием, этого мальчишку надо учить и учить! — сказала Катя еле сдерживая улыбку. Она была в восторге от происходящего.

С этими словами она со всего размаха врезала Алексею в глаз. Мальчишка завизжал от боли.

— Кричи-кричи, весь город будет знать о том, что ты не умеешь терпеть.

— Все, пока с них хватит. Если через три недели не будет карточек, вам обоим будет... Паршивец, ты хоть знаешь, что ты натворил!?

— Я...я не крал их у тебя, — всхлипывал Алексей.

— Ага, это я их у себя украл... Пока, до скорых встреч в эфире. Один совет на дорожку — карточки советую найти.

Компания пошла прочь вдоль аллеи. Никита лежал на тропинке и не мог пошевелиться, а Алексей, сидя на четвереньках, смотрел на уходящую четверку.

Никита, придя в себя, встал и машинально пошел по тропинке, которая вела вглубь парка. Прошла секунда, пять, десять... Похоже, Никита оказался в самой глуши. Напряженная тишина, только одинокий шорох птиц. У самого поворота он прижался к дереву, ветки которого изгибались в разные стороны.

— Леша... — тихо позвал мальчик.

Алексей между тем забыл про Никиту и думал о том, как найти карточки и отвязаться от хамской компании. Он просто шел домой. Обычное дело для человека, которого волнует только собственное «я».

Никита же думал вот о чем: «Интересно о чём сейчас думает Леша? Да и где он сейчас?»

То, что его бросили, Никита понял не сразу. Стало очень холодно, а куда идти, мальчик не знал. Парк — это только так называлось. На самом деле — это был хвойный лес, довольно густой, огороженный забором.

Выход, конечно, был. К примеру, можно было выйти к старому кладбищу. Или на стройку. Или попасть в овраг...

Теперь, заблудившись, Никита горько подумал о том, что никому не нужен. Самое интересное — он был прав.

Ирина Павловна о приемном сыне в этот момент совсем не думала — она занималась сексом со своим новым начальником. Леша, придя домой и обдумав — куда могли деться карточки — сообразил порыться под шкафом и, найдя пропажу, тут же успокоился и завалился спать.

Никита меж тем выбрался на тропинку. Ели расступились, над ним было красивое ночное звездное небо. Мальчик шел по тропинке и думал, что до дому сегодня не дойдет, даже если выберется из парка. Денег на такси у него все равно не было. Автобусы к тому времени уже не ходили.

По узенькой тропинке Никита выбрался к кладбищу. Оно даже днем вызывало чувство

страха, а ночью казалось просто ужасным. Вдали показался свет от фонаря, который мерцал из окна старого сарая, заброшенного за ненадобностью. Мальчику было все равно, где остановиться. Самое главное, чтобы смогли показать дорогу в город. Он зашел в сарай.

К своему большому удивлению, Никита обнаружил внутри мальчика лет одиннадцати, сидящего на кровати и читающего какую-то статью в журнале.

Никитка прошел ближе к свету и подумал: «Да, место очень подходящее для чтения журналов».

А вслух сказал:

— Окон маловато. Хотя, зачем нужны пейзажи, когда вокруг такие тишина и покой.

Парень спокойно ждал продолжения замысловатой речи. Кажется, ему было интересно, что последует дальше.

— Познакомимся, я — Никита.

— А... Как мило, — ответил парень и положил журнал на кровать, рассматривая мальчика с ног до головы.

Увидеть мальчика десяти лет одного на кладбище ночью — более чем странно. Но обитатель сарая, кажется, не особо удивился. Он поднялся и подошел к Никите.

— Ого, ты умеешь говорить... — ответил он. — А я — Евгений. Для приятелей можно просто Жека.

Мальчик только согласно кивал. Ему еще предстояло как следует подумать. А новый знакомец начал задавать интересующие его вопросы.

— Интересно узнать, как это маленький мальчик оказался один в парке. Ведь ты пришел оттуда, правда?

Вопрос, конечно же, был понятен, только вот как ответить на него, Никита себе не представлял.

— Я просто потерялся. Я пришел в парк, чтобы посмотреть на разборки... моего кузена. Потом ничего не помню.

— Ого... ты уже ходишь на разборки. А родители у тебя есть?

Евгений сбежал из приюта, когда ему было девять лет. Он ночевал в этом сарае, а днем просто ходил и «кидал» всяких старух и стариков на базаре, когда те забывали прятать свои кошельки. Денег у парня хватало на то, чтобы поесть, купить свечи, кое что из вещей.

— Есть только мама, — печально ответил Никита, — только она не очень-то заботится обо мне. Но, наверно, она все же будет меня искать.

Два брошенных мальчика. Им было о чем поговорить друг с другом.

Прошла неделя.

В жизни ничего не меняется, если человек этого не захочет. Никита за неделю ничуть не соскучился по дому. А Жека оказался интересным, теперь Никита уже подумывал, что можно начать свою жизнь с нуля.

Никита был уверен, что его ищут и обязательно найдут. Вечерами он рассказывал про Лешу.

В воскресенье вечером Никита уговорил Жеку зайти в знакомый двор на улице Республики. В знакомом окне Никита увидел силуэт Алексея.

Он смотрел в окно и выбирал. Родной дом не всегда уютен, а когда от тебя скрывают почти все, то он может быть и ужасным. А став бездомным, он обрел друга и свободу. И, как ни странно, еще и уверенность в завтрашнем дне.

Постояв пару минут, они пошли бродить по городу дальше.

А назавтра Никита утром подошел к школе и дождался Алексея. Вначале тот обрадовался, но очень быстро его глаза стали жесткими. Он отвел Никиту в сторонку и спокойно рассказал ему все.

— Наша семья — папа, мама и нас трое детей: я, ты и старший Стасик — жила в Екатеринбурге. Стасик учился в частной спецшколе с углублённым изучением иностранных языков. Наша семья материально была достаточно хорошо обеспечена. Мы, дети, имели всё, что нужно и почти всё, что хотели. Отец был достаточно известным в городе предпринимателем, он — бывший офицер, порядочный, требовательный и жёсткий. Всё своё свободное время он старался быть с нами. Таскал всех троих на пикники, шашлыки, рыбалки и прочие “чисто мужские” мероприятия. Когда тебе было три года, наш дом взорвался, родители погибли, а тебя и меня отдали троюродной сестре отца. Так ты оказался у Ирины Павловны, а я у этой старой бабки. Все, сейчас ты знаешь правду, и прошу отвязаться от меня раз и навсегда.

Сказав это, он отправился в школу.

На дворе был уже октябрь, оставаться в сарае мальчикам не хотелось, и они решили отправиться на поиски более теплого жилья. На мальчиков никто не обращал внимания. Небо хмурилось густыми чернильными бровями-облаками, среди которых яркими, разрезавшими небо вспышками, мелькали золотые молнии.

Спустя четверть часа ходьбы Жека негромко произнёс:

— Кажется, мы на месте.

Он внимательно взгляделся вдаль: метрах в ста от себя он увидел широкую, далеко простиравшуюся в оба конца речку, покрытую толстой коркой мусора. Друзья прибавили шаг. По мере приближения к речке Никита разглядел воду, она больше походила на коричневые жидкие помои, нежели на речную воду.

Они огляделись по сторонам: по обе стороны реки тянулись узкие мощёные улочки, вдоль которых темнелся нескончаемый ряд покосившихся кирпичных домишек, старых, неказистых. Почти во всех домах были заколочены окна; в тех редких домишках, где деревянные доски не служили убогим подобием ставен, стекла в окнах были выбиты и вообще отсутствовали, обнажая гниющие чернеющие рамы. Во многих домах были не только выбиты оконные стёкла, но и виднелись огромные дыры-выбоины на крышах, а старенькие двери криво висели на проржавевших петлях, вот-вот норовя отвалиться. Пара зданий обросла плотным слоем мокрого зелёного мха.

Никита удивлённо озирался по сторонам.

— Это здесь? — с недоумением спросил он.

— Да, — кратко ответил Женя, и, взглядевшись в левую сторону мощёной улочки, произнёс, — кажется, нам туда.

Они аккуратно вышли на мостовую и медленно зашагали по ней.

Мостовая была такой же грязной, как и речка: всюду валялись пожелтевшие обрывки газет, засохшие остатки еды, сломанные старые вещи... Мысль о том, что здесь кто-нибудь может жить, казалась почти невероятной; с трудом верилось, что здесь вообще хоть изредка бывали люди. Поблизости не было ни души; даже птиц или иных живых существ здесь не наблюдалось. Всё в округе как будто вымерло; Женя уже начинал сомневаться — туда ли они попали.

Впереди что-то тускло блеснуло: Евгений и Никита подошли ближе. Никита сощурился, пытаясь разглядеть странный предмет, пускающий холодные серебристые блики.

В середине убогой улочки стоял невысокий деревянный шест; к верху его была прибита прямоугольная чугунная табличка. Она была чуть погнута и поцарапана; тёмные вдавленные буквы покрылись тёмной грязью.

— Набережный переулок, — негромко прочитал Никита и вопросительно взглянул на Жеку.

Тот внимательно перечитал надпись и оглянул ряд неказистых тёмных домов.

У одного из домов он неожиданно замедлил шаг и стал напряжённо вглядываться в мрачный облик полуразрушенного здания.

— Это здесь жили мои дедушка и бабушка, — негромко произнёс Евгений, внимательно оглядывая мрачный тёмный дом с запылёнными окнами и приоткрытой деревянной дверью. Он медленно приблизился к домишке и остановился у высокого окна.

Синие глаза мальчика скользнули взглядом по тёмному, почти чёрному камню, по запylённому стеклу, по гниющей двери, по щербатым каменным выступам, по густой паутине под крышей, по толстому чёрному пауку, ползущему по разваливающейся черепице, и чёрные брови его плотно сошлись на переносице.

— Здесь же родился и я, — с неожиданной горечью признался Женя.

Он невидящим взглядом уставился в глухую каменную стену.

Дом казался не просто запустелым, он был непригодным для жилья. Никита с тревогой вгляделся в лицо своего друга.

— Это то место, где мы будем жить всю зиму?

— Да.

Евгений неспешно подошёл к Никите и заглянул в его глаза. Какое-то время мальчики молчали и лишь со страхом смотрели на дом. Женя думал: что бы ни случилось с Никитой, он всегда будет защищать его и оберегать, заботиться, стараться для него. Из всех близких ему людей у Жени остался именно Никита; ему было стыдно признаться самому себе, но Никита стал для него самым родным, самым близким. Парень положил руки мальчику на плечи и ободряюще сжал их, прогоняя страх с бледного лица. Никита нервно улыбнулся, но по мере того, как он вглядывался в доброе лицо друга, испуг уходил, и лишь лёгкое трепыхание где-то в глубине напоминало о том, что несколько секунд назад он был сильно взволнован.

— Зайдём внутрь?

— Да, — сказал Никита.

